

КОЛЛЕКЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИЗДАНИЙ XVI—XVIII вв. В СОБРАНИИ Н. П. ЛИХАЧЕВА И ЕЕ НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Труды Н. П. Лихачева по собиранию и систематизированию того, что касается истории письменности, научная обработка собранного материала, его выводы и наблюдения оставили глубокий след в истории становления и развития отечественного источниковедения.¹ В рамках того, что сам Лихачев называет «историческим источниковедением» и «документальным источниковедением истории» и что сегодня принято называть «комплексным источниковедением», он сумел создать основы нескольких направлений современной источниковедческой науки: дипломатики, сфрагистики, филологической палеографии, текстологии, геральдики, кодикологии, архивоведения, музееведения и т. д.²

Занимаясь теоретической разработкой проблем исторической науки, Н. П. Лихачев одновременно создавал материальную базу для этих исторических исследований. Собранная ученым за протяжении многих лет коллекция памятников письменности явилась результатом его научных интересов и одновременно была призвана расширить и углубить источниковедческую базу российской исторической науки, и прежде всего — дипломатики как науки об историческом документе.³ Уже почти в конце своей жизни, находясь в

¹ Литература по этому вопросу обширна, но наиболее полную библиографию можно найти в исследованиях и публикациях Л. Г. Климанова: 1) Н. П. Лихачев о венгерской сфрагистике и дипломатике // ВПД. Т. XXIII. Л., 1991. С. 280—294; 2) Ученый и коллекционер, «гигиенист» всей России, еще более Европы // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 424—453; 3) Лихачев Н. П. О посылке итальянских автографов / Пер. с фр., примеч. и послесл. Л. Г. Климанова // ВПД. Т. XXI. Л., 1990. С. 286—297; 4) Лихачев Н. П. Воспоминания библиотекаря и собирателя документов и автографов / Публ., предисл. и примеч. Л. Г. Климанова // Книга. Исследования и материалы. Сб. 62. М., 1991. С. 192—211; 5) Николай Петрович Лихачев — коллекционер «книжного ризаха» // Из коллекции академика Н. П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. С. 7—28. Льву Григорьевичу Климанову принято благодарности за ценные советы.

² См. Климанов Л. Г. Ученый и коллекционер. С. 425.

³ Понятие «документ» рассматривалось Н. П. Лихачевым несколько шире, чем по принято в современном источниковедении. Под документом он подразумевал любой вид письменного источника (см. Климанов Л. Г. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 6).

ссылке, он писал в письме М. С. Боровковой-Майковой: «Десятилетиями я рыскал восточ и собирал крупицы от западноевропейских богатств для того, чтобы доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения, а не пользования только заграничными альбомами».⁴

Памятники не только русской, но и мировой письменности не случайно стали предметом его исследовательской и коллекционерской деятельности. Известно, что основные научные интересы ученого лежали прежде всего в области русской истории.⁵ Однако он справедливо полагал, что русская история, и в первую очередь история культуры и письменности, не может рассматриваться вне связи с историей других культур. В одном из своих писем В. В. Розанову от 13 (26) августа 1918 г. он писал: «Тридцать лет я посвятил систематическому собиранию документальных памятников разных эпох и народов и дерзостной мысли создать русскую дипломатику, осветив ее в связи с западноевропейской по возможности невиданными образцами моего собрания, а не снимками с многочисленных атласов Западной Европы. Мне хотелось осветить сферу взаимных влияний Востока и Запада».⁶ Интерес Н. П. Лихачева к мировой дипломатике материализовался в его коллекции в виде богатейшего собрания печатей и документов, происходивших из Египта, Месопотамии, Византии, из разных европейских государств (прежде всего Франции, Италии, Германии).⁷ На основе этих коллекций был создан (но так и не доведен до задуманного вида) Палеографический кабинет, который, с переходом его в 1925 г. в состав Академии наук, преобразился в Музей палеографии.⁸

Работа с источниками, прежде всего с образцами собственного собрания, позволили ученому создать цикл лекций, прочитанных им в Санкт-Петербургском Археологическом институте.⁹ В этих лекциях русская дипломатика рассматривалась в связи с дипломатикой Франции, Италии, Германии, Испании и других стран Европы. Разыскания Николая Петровича Лихачева в области истории документа позволили создать глубокую методологическую основу для развития русской дипломатики и тем самым вывести ее на общеевропейский уровень.

Теоретическая разработка основ этой науки была невозможна без глубокого знания не только документальных источников, но и обширной научной литературы. Поэтому одновременно с процессом собирания оригинальных документальных источников шел дру-

⁴ Цит. по: Климинов Л. Г. Ученый и коллекционер. С. 425.

⁵ См.: Протоплатонова Л. П. Н. П. Лихачев: судьба и концы. Библиографический указатель. М., 1992. Большая часть из более чем двухсот ученых авторов работ Н. П. Лихачева посвящена проблемам русской истории.

⁶ РГАН, ф. 419, оп. 1, д. 523, л. 12 (1917, по: Климинов Л. Г. Ученый и коллекционер. С. 425).

⁷ Достаточно яркое, хотя и далеко не полное представление о коллекции письменных источников дает каталог, пропущенный в Русском музее выставки, на которой была представлена лишь незначительная часть лихачевского собрания. См.: Из коллекции альбумиста Н. П. Лихачева: Каталог выставки.

⁸ См.: Сильский М. Л. Музей палеографии // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 211—215.

⁹ См.: Лихачев Н. П. Дипломатика: Из лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1901.

гой, не менее важный процесс — подбор вспомогательной и справочной литературы, а также изданий источников. До сих пор собрание справочной литературы, тщательно подобранное по различным отраслям исторической науки, так же как и собрание опубликованных источников (оба собрания хранятся сегодня в фондах библиотеки Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН), является незаменимым подспорьем для исследований, работающих в самых разнообразных областях исторической науки. В кратком справочнике по Музею гравюры указывается: «Собрания Музея разделяются на две части: 1) группы оригиналов, расположенные в витринах, и 2) соответствующие каждой серии коллекции книг, брошюр, периодических изданий и альбомов, иллюстрирующих группу подлинников. Эти книжные серии находятся в книжных шкафах, расположенных по стенам рядом с витринами».¹⁰ Судя по существующей ныне в библиотеке СПб. ФИРИ системе расстановки книг, можно предполагать, что эта вспомогательная литература каталогизировалась и влиялась в ее фонд целыми разделами, именно в том порядке, в котором она была систематизирована его прежним владельцем.¹¹

Коллекция старопечатных изданий занимает в собрании Н. П. Лихачева особое место. Являясь продолжением и дополнением коллекции рукописных источников, она должна была иллюстрировать, иллюстрируя документы после изобретения печатного станка.¹² В Музее гравюры существовал целый отдел «Серии документов, опубликованных путем напечатания».¹³ Однако печатные документы представляли для Лихачева интерес не только с точки зрения дипломатики. Он рассматривал их одновременно как незаменимый источник по политической истории, потому что они «дают рядом с историей книги картину печатания документов и службу печатного станка в эпоху политической борьбы».¹⁴

Для всякого, кто хотя бы поверхностно знаком с лихачевской коллекцией европейских изданий XVI—XVIII вв., даже в том неполном виде, в каком она представлена в библиотеке СПб. ФИРИ, очевидно, что практически все ее экземпляры представляют собой неслыханную редкость. Это подтверждается сохранившимися в многих, часто уникальных, изданиях XVI—XVIII вв. пометами прежних владельцев или библиографов-антикваров: «editio petraea», «taqis-simo», «ed. princeps» и т. п. Многие издания из собрания Лихачева, судя по каталогам Британского музея или Национальной библиоте-

¹⁰ Музей гравюры. Л., 1923. С. 2.

¹¹ Признаки, по которым ту или иную книгу можно безусловно отнести к лихачевскому собранию (звездишки, пометы, ташки), присутствуют не на всех экземплярах, однако сохранившаяся в библиотеке схема расстановки позволяет выявить целые пласты этого собрания, что помогает атрибутировать несомненные экземпляры Н. П. Лихачеву.

¹² Все отделы лихачевского собрания, в соответствии с этой мыслью коллекционера, представляли собой единое целое, составные части которого не мыслятся в отрыве друг от друга. Сетованиями разобщенность и разнородность некогда единого собрания, безусловно, значительно снижает его источниковедческое значение.

¹³ Музей гравюры. С. 2. Кроме этого отдела, экспозиция Музея включала в себя еще два других: 1) Памятники на металлах, камне, дереве, глине; 2) Памятники на папирусе, пергамене, бумаге.

¹⁴ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. арх. 47, л. 54.

ки и Париже, не представлены в этих собраниях. Собрание такой коллекции было бы невозможно без постоянных активных связей Лихачева с его европейскими коллегами, а также с антикварами и книготорговцами из разных стран мира.¹⁵ В фондах Архива РАН и Санкт-Петербурге сохранились письма, полученные ученым от более чем 200 корреспондентов из Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Греции, Египта, Дании, Испании, Италии, России, США, Турции, Франции.¹⁶ Со многими из них он не только состоял в переписке, но и был связан тесными дружескими узами. Среди многочисленных корреспондентов Николая Петровича — имена известных в свое время европейских книготорговцев Дарио Росси, Франческо Казеллы, Т. де Мариниса, Гласвиллы — в Италии; Жозефа Бера, братьев Ротенштейн, Хирсманн — в Германии; упоминаются дом Шаранг в Париже и аукцион Сотби в Лондоне.¹⁷

Связи с этими книготорговцами помогли ученому собрать не только богатейшую коллекцию автографов и письменных источников, но и европейских печатных изданий XVI—XVIII вв. Надписи и ярлычки на старинных изданиях из коллекции Лихачева свидетельствуют о том, что они были приобретены им в том или ином торговом доме. Например, к венецианскому изданию 1525 г. «*Turilla del pagamento di tutti i daci di Venezia*» приклеен ярлычок с надписью «С. Е. Rappaport, Librairie ancienne, Rome». Такой же ярлычок находим на венецианском издании 1658 г. «*Lettera di Monsignor Giovanni Ciampoli, segretario de brevi di Gregorio XV*» (которое представляет собой особенный интерес ввиду разработки Лихачевым темы документов папской канцелярии в Риме). Ярлычок с именем Francesco Casella приклеен к венецианскому изданию 1563 г. «*Libro di Antonio Possevino, nel quale s'insegna a conoscere le cose pertinenti <...> alla pace*» (этот экземпляр особенно интересен ввиду занятий Лихачева папской дипломатикой и связанным с ней сюжетом о приезде в Москву папского посла Антонио Поссевино¹⁸).

О приобретении книг у того или иного книготорговца свидетельствуют также собственноручные пометы Н. П. Лихачева на некоторых экземплярах, такие, например, как помета на заглавном листе венецианского издания 1689 г. «*История португальских войн*» Алессандро Бранзино: «Куплена во Флоренции у G. Vigozzi в 1909 г. Н. Лихачев». И далее: «Герб Инокентия XI (1676—1689) — Одесский (имеется в виду тисненый золотом на кожаном переплете суперкалентрикс. — А. П.). Переплетена в год смерти этого папы».

Весьма показательна помета на венецианском издании 1579 г. сочинения Паоло Парутти «*Della perfezzione della vita politica*», которая свидетельствует о глубоком знании коллекционером и библиографической литературы, и книготорговых каталогов: «Приобретено у Sothby на аукционе библиотеки Charles Butler (fifth and final

¹⁵ Об отношениях Н. П. Лихачева с антикварами и книготорговцами см.: *Книжная Л. П. Николай Петрович Лихачев — коллекционер «слабого ритма»*, С. 18—20.

¹⁶ С. 116. ФА РАН, ф. 246, оп. 3.

¹⁷ См.: *Лихачев Н. П. Воспоминания библиофила*. С. 199—205.

¹⁸ См.: *Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино*. С. 116. 1903. (Опубликовано также в «*Известиях Записки Археографической комиссии*», Вып. XI. С. 116. 1903. С. 136—280. 1—С. IX).

portion) 3 марта 1914 года. Куплено дорого. См. кат. стр. 506, No 4617 — Paruta: „With the arms and device of cardinal de Bourbon in gold on back. Specimens of the library of cardinal de Bourbon are very rare“. 18 марта 1914 г. Н. Лихачев». Подобного же рода записи находятся на венецианском издании 1531 г. «*Formulario ottimo e elegante, il quale insegna il modo del scrivere lettere inessive e responsive...*»: «NB NB. Большая редкость! Приобретены в 1912 году в Риме у Dario Rossi на аукционе Morici. Обойшлись 19 руб. Н. Лихачев». Целенаправленная и кропотливая работа с книготорговыми каталогами составляла, по свидетельству самого Николая Петровича в «Воспоминаниях библиофила», неотъемлемую часть его собирательской деятельности.¹⁹

И записи на книгах, и сам подбор коллекции свидетельствуют о глубоком понимании коллекционером места того или иного издания в истории мировой культуры.

Несмотря на ярко выраженный библиофильский характер собирательской деятельности Н. П. Лихачева, его собрание нельзя считать типичным собранием библиофила. Не редкостью самой по себе определяется основная ценность его собрания. Сам он отчаянно сопротивлялся тому, чтобы оно трактовалось только как собрание раритетов. В «Генеалогической истории одной померившей библиотеки» он выражает свое отношение к сложившейся в начале XX в. и в России, и в Европе тенденции собирательства как своего рода способу богатых людей, которые, «не будучи в состоянии возвыситься над своим круготором», руководствовались лишь критерием редкости. «Содержание и цена (иногда, впрочем, высокая цена является единственным стимулом приобретения) не играют роли — важны рубрики: „печатано на правах рукописи“, „печатано 33 экземпляра“, „на продажу не поступало“, „все издание стерело“, „книга конфискована“ и в т.д. таковы буквистов: „редка“, „весьма редка“, „чрезвычайно редка“». Руководевушие подобными критериями коллекционеры полностью преградени доступ к книгам «скромному классу любителей книги для книги». «Выбрать из обращения все лучшее, все ценнейшее, все редчайшее и делить недоступным в металлических шкафах; затратить колоссальные деньги на воспроизведение и печатание каталогов, постаравшись при этом, чтобы и копии остались недосягаемыми, — вот апофеоз современной библиофильской культуры».²⁰

Для Н. П. Лихачева ценность того или иного экземпляра определялась либо содержащейся в нем информацией, либо его местом в истории развития письменности. В своем письме из Астрахани от 17.01.1933 г., адресованном М. С. Боронковой-Майковой, он пишет: «У меня и те, и другие (речь идет об инкунабулах и эльзевирах).

1. II) были разложены в разных местах, смотря по надобности диглоэматической экспозиции. Было бы несправедливо, если бы я собирал инкунабулы и эльзевиры просто как таковые, зная, что в одной Публичной библиотеке такие собрания!»²¹ Даже беглый анализ со-

¹⁹ См.: Лихачев Н. П. Воспоминания библиофила. С. 194.

²⁰ Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной померившей библиотеки // Русская библиофилия. 1913. № 5. Сентябрь. С. 100.

²¹ Там же. С. 101.

²² С116. ФА РАН. ф. 738. оп. 4. ед. хр. 40, л. 1 об.

стала его коллекция позволяет увидеть, что собранные им издания представляют собой интерес прежде всего как исторический источник. В коллекциях Лихачева отразился и тот принцип научного подхода к коллекционированию, который неоднократно подчеркивал сам Лихачев. Одним из принципов такого подхода он считал полноту собрания.²³

Ярким примером источниковедческого значения редких старинных изданий может служить обнаруженное нами в одном из томов хранящегося в библиотеке СПб. ФИРН семитомного издания Фламминия Корнелия «*Ecclesiae Torcellanae antiquis monumentis, nunc etiam primum editis, illustratis*» (Венеция, 1749) письмо помощника директора Государственного архива в Венеции Риккардо Пределли. В ответ на просьбу Н. П. Лихачева найти свидетельства употребления епископов булл патриархами Градо, Пределли сообщил ему, что такое свидетельство он обнаружил в вышеупомянутом издании.²⁴ Несомненно, было ли это сочинение в библиотеке Лихачева уже до получения им письма Пределли или же он приобрел его позже, однако этот пример как нельзя лучше иллюстрирует один из принципов, положенных коллекционером в основу его библиофильских интересов, — принцип ценности книги как исторического источника.

Особую научную значимость представляют собой собранные Н. П. Лихачевым тематические коллекции печатных документов, среди которых следует отметить прежде всего коллекции летучих изданий, правительственных постановлений и распоряжений разных европейских стран, документов папской канцелярии. В справочнике по Музею панеографии указывалось семь таких коллекций (видя, что это издание само по себе представляет сегодня большую библиографическую редкость, позволим себе привести интересующий нас отрывок полностью):

«1. Буллы, бреве, моту-проприи и иные распоряжения пап, исходящие из папской канцелярии и других органов управления (XV—XIX вв.). Более 2000 номеров. Небольшое количество подделок».

2. Буллы и эдикты итальянских государств: Флоренция, Савойя, Перуджа, Парма, Пьяченца, Милан, Неаполь, Венеция и др. Несколько тысяч экземпляров XVI—XVIII вв. Особенно хорошо представлены Тоскана».

3. Небольшое сравнительно количество печатных указов, распоряжений, объявлений и т. д. других государств (Франция, Германия, Швеция и т. д.).

4. Летучая литература — реформация и возрождение католичества (Тридентский собор и по поводу его); столкновение папы с Венецией в 1605 г.

5. Правительственные распоряжения и памфлеты эпохи люти во Франции.

6. «Материалы» (ок. 2500 номеров).

²³ См.: Климент Д. Г. Николай Петрович Лихачев — коллекционер «книжного разума», С. 14—18.

²⁴ Письмо передано в западноевропейскую секцию Архива СПб. ФИРН, фонд 55. Идентиф.: Климент Д. Г. Коллекция памятников сфрагистики VII—XX вв. в западноевропейской секции Архива СПб. ФИРН: Каталог (в печати).

7. Летучие издания времени Французской революции (1787—1792 гг.).»²⁵

Летучим изданиям Н. П. Лихачев придавал особое значение как наиболее ярким и непосредственным свидетельствам той или иной эпохи. В своем небольшом исследовании по поводу венетрических изданий он писал: «Между тем именно систематическое и хронологическое описание летучих изданий является одной из современных задач исторической библиографии. Обилие летучих брошюр и листов всегда соответствовало моментам особого подъема человеческого духа, в них изливались потоки разбуженной мысли, в них отражалось общественное брожение и народные страсти. Период реформации, движение гугенотов, тридцатилетняя война, фронтда, эпоха великой революции и многие другие моменты европейской истории вызвали появление целого дождя летучих брошюр».²⁶ Нет сомнения в том, что задача описания летучих изданий остается актуальной и сейчас. Летучие издания из собрания Н. П. Лихачева в библиотеке СПб. ФИРИ, относящиеся прежде всего к эпохе реформации и религиозных войн во Франции, до сих пор не описаны.

Не описана также коллекция правительственных распоряжений и документов по городскому управлению европейских стран, равно как и коллекция печатных папских булл. В объяснительной записке о деятельности Музея палеографии (недтирокованной, но написанной после 1925 г.), говоря об основных направлениях ведущейся в Музее работы, Николай Петрович обозначил одно из этих направлений как «инвентаризация и каталогизация как книг, так и отдельных коллекций (как, например, магаринода, буллы, банди, эдикты и т. д.)».²⁷ К сожалению, ни в архивах, ни в самой библиотеке Института истории не удалось обнаружить каких-либо реальных результатов такого описания. Тем не менее работа по описанию этих коллекций в Музее палеографии велась, но была прервана в 1929 г. В сохранившемся черновике очередной докладной записки Николая Петровича, посвящено датруемой (судя по зачеркнутым годам «1927—28», на которые планировалось пополнение лакуи) концом 1926 или началом 1927 г., говорится: «В области истории опубликования документа в этом году будет продолжено и, вероятно, закончено описание уакопений и распоряжений, издаваемых в XVI—XVIII столетиях в различных городах Италии. Обширная коллекция таких не имеющих до сих пор библиографичеких памятников, находящихся в Музее палеографии, по составу своему может соперничать с собраниями государственных библиотек Флоренции и Рима и представляет значительный интерес в области социально-экономической и бытовой».²⁸

Велась в Музее палеографии и работа по описанию папских булл. В протоколе заседания специалистов, приглашенных Н. П. Лихачевым для совещания по вопросам о положении Палеографического кабинета 8 ноября 1924 г., говорится: «Каталогизация [печатных] булл

²⁵ Музей палеографии. С. 7.

²⁶ Лихачев Н. П. По поводу издания «Liste des pieces imprimées pour la plupart à Venise en 1797 pendant l'occupation française». С116., 1898. С. 7.

²⁷ С116. ФА РА11, ф. 246, от. 2, ед. хр. 47, л. 54.

²⁸ Там же, л. 58.

и папских распоряжений ведется [З. Н.] Шамоновой и будет закончена в течение ближайших месяцев. Коллекция представляет собой интерес, нередко пополняя итальянские библиографии.²⁹ А уже в Отчете Лихачева о работе Музея палеографии в 1928 г. читаем следующее: «Научный сотрудник З. Н. Шамонова <...> на окончании работы по описанию папских булл в их печатных изданиях приступила...» и т. д.³⁰ К сожалению, результаты этой работы в завершённом виде не сохранились. Но в некоторые экземпляры печатных булл, хранящихся в библиотеке СПб. ФИРИ, вложены их рукописные описания, сделанные, судя по почерку, З. Н. Шамоновой.

Что касается документов папской канцелярии, и прежде всего булл, то этому сюжету исследователь уделял особое внимание ввиду его важности для изучения истории дипломатики вообще. Работу над буллами он начал в своем исследовании по поводу письма папы Пия V к Ивану Грозному, где отмечает: «Канцелярия пап по устойчивости своих дипломатических традиций является едва ли не консервативнейшей в мире; тем не менее многовековая деятельность не могла, конечно, выразиться в одних и тех же формах. Несравненная важность папской дипломатики, охватывавшей весь мир, не могла не вызывать особого внимания ученых дипломатистов, которые путем тщательных исследований подразделили историю ее на несколько периодов».³¹ Изобретение книгопечатания ознаменовало собой начало одного из таких периодов, ибо папы очень быстро оценили значение печатного станка. «В самом Риме не позже 1470 года началось публикование документов и распоряжений, постепенно достигшее в XVI столетии кульминационного пункта развития».³² Постепенно право печатания папских булл монополизировал издатель Антонио Биндо, а позже его наследники. Действительно, среди имен издателей, которые указаны на сохранившихся в библиотеке СПб. ФИРИ экземплярах булл, преобладает имя Антония Биндо или его наследников. Однако известно, что печатные документы папской канцелярии неоднократно переиздавались, зачастую без изменения выходных данных на титульном листе. Проблема подлинности печатных папских документов, таким образом, представляется одной из наиболее значимых для исследователя дипломатики папской канцелярии. Исследовательская работа по установлению подлинности этих документов на материале лихачевского собрания так никогда и не была проведена.

Все эти коллекции до сих пор находятся в библиотеке СПб. ФИРИ, однако сегодня невозможно сказать, насколько их состав соответствует первоначальному. И если «эвхаристиды» и издания эпохи Французской революции выделены из фондов библиотеки, то все остальные требуют большой работы по их окончательному выявлению.

²⁹ Там же, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 3, л. 63 об.

³⁰ Архив СПб. ФИРИ РАН. 3. е. с., кн. 55, ед. хр. 1.

³¹ Лихачев Н. П. Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бресте: Этюд по дипломатике пап // Сборник МПЯУ. Т. 81. СПб., 1906. С. 10.

³² СПб. ФА РАН. ф. 217, оп. 1, ед. хр. 3, л. 63 об.

Сам Н. П. Лихачев в своих исследованиях, а еще больше в различных объяснительных документах о работе Музея палеографии, сохранившихся преимущественно в рукописном виде,³¹ успел лишь наметить пути дальнейших исследований, для которых его собрание предоставило практически неограниченные возможности. Но научно-исследовательская работа на основе коллекций Лихачева затруднялась тем, что они были не разобраны, не каталогизированы и не описаны. Именно поэтому, когда в 1925 г. собрание было включено в состав Академии наук, Лихачев указывал, что «приведение обширных коллекций материалов в систематический музейный вид является первой и текущей задачей. Не каталогизированные и скученные собрания <...> требуют дополнительных шкафов, витрин, стеллажей для правильной, систематической раскладки. Такая научная раскладка с сопровождающей ее каталогизацией является основной работой ближайшего года. Попутно должна идти и идет исследовательская работа над описываемым материалом».³² Таким образом, наряду с научно-исследовательской работой на основе своего собрания, он предполагал также работу по каталогизированию и описанию этого собрания. И такая работа велась вплоть до 1930 г.³³ После ареста и высылки Н. П. Лихачева существовшим образом изменился и профиль деятельности Музея палеографии, который в 1930 г. был преобразован вначале в Музей книги, документа и письма, а затем, в 1931 г., в Институт книги, документа и письма. С 1931 по 1936 г. вышло пять выпусков «Трудов ИКДП», в которых публиковались преимущественно книговедческие работы обобщающего и теоретического характера. В брошюре, выпущенной Академией наук к VII съезду советов, отмечалось: «Институт имеет задачей разработку теории книговедения и истории документа и письма. <...> В первые годы научно-исследовательская работа велась Институтом преимущественно в области книговедения. Изучались следующие проблемы: а) методология науки о книге; б) проблема энциклопедий и др.»³⁴ А описание «Выставки по истории западно-европейской книги эпохи распада феодализма и развития промышленного капитализма (XV—XVIII вв.)», открытой в это время в ИКДП, представляет собой яркое свидетельство крайней идеологизированности его деятельности.³⁵ Работа по системати-

³¹ См., напр.: Там же, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 47, л. 5—8, 23, 53—54.

³² Там же, л. 23.

³³ Уже в 1925 г. в брошюре «Музей палеографии» отмечалось, что «материалы из Музея давно уже стали предметом научного исследования» (с. 7). К этому времени на их основе опубликованы свои исследования такие известные ученые, как Б. А. Тураев, В. В. Струве, Г. В. Черетель, П. В. Троицкий, Н. А. Орбели, В. П. Кенешин, О. А. Добинин-Рождественская, А. П. Панафонец-Керамис и др. (см. также Приложение, с. 99). В 1925—1930 гг. наряду с разборкой материалов Музея (см. Приложение), продолжались и другие научные поиски, основанные на материалах собрания. В 1928—1930 гг. вышел три выпуска «Трудов Музея палеографии», в двух из которых были опубликованы «Материалы для истории византийской сфрагистики» Н. П. Лихачева, а в третьем — исследование В. А. Крачковской «Арабские надписи».

³⁴ Институт книги, документа и письма (ИКДП) // VII всесоюзному съезду советской Академии наук СССР. М., Л., 1935. С. 148—149.

³⁵ См.: Крайнее описание выставки Института книги, документа и письма. Л., 1932. С. 1—2.

рованию, каталогизированию и описанию коллекций, важность которой для проведения нормальной исследовательской работы неоднократно подчеркивал сам Лихачев, была замечена в эти годы, прежде всего в силу идеологических причин, преимущественно голым теоретизированием, лишь в незначительной степени опиравшимся на богатейший конкретный материал его собрания.

Однако те же идеологические причины способствовали одновременно и работе над конкретными описаниями. В 30-е годы было предпринято традиционное мероприятие по описанию всех хранящихся в тогдашнем СССР изданий эпохи Французской революции, в том числе и коллекции Н. П. Лихачева.³⁸ Научная сотрудница ЛОИИ (в состав которого ИКДП перешел в 1936 г.) Р. М. Тонкова подготовила этот каталог к печати в 1941 г. К сожалению, он так и не увидел свет.³⁹ Лихачевская коллекция была описана в нем и составе академического собрания. Несмотря на огромное научное значение этой работы, она по-прежнему недоступна широкому кругу исследователей и одновременно не может быть введена в широкий научный оборот. С тех пор как каталог был подан к печати, состав коллекций неизбежно должен был претерпеть какие-то изменения. Выявление этих изменений требует полного пересмотра каталога и его переработки.⁴⁰

Многочисленные реорганизации тех учреждений, которым по очереди принадлежало лихачевское собрание, никак не способствовали целенаправленной систематической работе по описанию коллекций, в том числе и коллекции западноевропейских изданий XVI—XVIII вв. Как известно, в результате этих реорганизаций и перемещений собрание не сохранилось в своем первоначальном виде. Это относится как к рукописным и эпиграфическим источникам, так и в еще большей степени к печатным. Большая часть лихачевских энциклопедий и альбомов, например, была передана в БАН России. То же произошло и со всей коллекцией лихачевских инкунабулов.⁴¹ Нале редчайшие старопечатные издания из лихачевской коллекции можно встретить в различных петербургских библиотеках — прежде всего в Библиотеке Академии наук, в библиотеке Музея истории религии и, преимущественно, в библиотеке СПб. ФИРИ РАН, в которой хранится ее большая часть. Что-то было бесследно утеряно, а что-то сознательно передано в другие хранящие. Отсутствие не только научных описаний большинства лихачевских коллекций, но даже простых карточек не позволяет сегодня в полной мере проследить их судьбу.

Следов некоторых редчайших изданий, некогда бывших в собрании Н. П. Лихачева, сегодня обнаружить не удастся. Мы не знаем, например, где хранится единственный известный экземпляр издания в Брешии в 1534 г. словаря латинских сокращений «*Regolella, nella qual troverai ogni sorte de abbreviature usuale...*», о котором пи-

³⁸ Н. П. Лихачев приобрел ее в 1898 г. у известного букиниста Н. Н. Ключкова, в которому она попала из собрания петербургского дома Воронцовых.

³⁹ Единственный машинописный вариант этого каталога, состоящего из пяти томов, хранится в библиотеке СПб. ФИРИ (инифр Л-6760).

⁴⁰ Работа по описанию изданий эпохи Французской революции таксономизирована и в настоящее время в рамках научных исследований БАН России.

⁴¹ См.: Боброва Е. П. Каталог инкунабулов. М.: Л., 1963.

известно лишь потому, что он был фототипически воспроизведен в 1902 г. французским исследователем Анри Омоном ввиду его уникальности.⁴²

Некоторые части собрания Лихачева были переданы им самим в те учреждения, в которых их местопребывание представлялось ему более целесообразным, чем в его собрании. Так произошло с коллекцией венецианских изданий 1797 г., которую он передал Национальной библиотеке в Париже, о чем и сообщил сам в «Собственнопоручном списке трудов Н. П. Лихачева»: «Описанные брошюры Н. П. Лихачев принос в дар Национальной библиотеке».⁴³ Сохранились также два письма тогдашнего директора Национальной библиотеки Л. Деланжа и черновик ответа на одно из них Н. П. Лихачева.⁴⁴ Деланж, ознакомившись с присланным ему Николаем Петровичем описанием венецианских изданий из его коллекции, отметил в письме от 10 августа 1898 г., что многих из них в Национальной библиотеке нет. А уже в письме от 6 сентября того же года благодарил его за присланные в библиотеку 54 экземпляра и отмечал, что они «чрезвычайно повысят значение нашего собрания документов, относящихся к истории Франции в Венецианскую область...».

Давно уже стало общим местом говорить об огромном историко-лингвистическом значении собрания Н. П. Лихачева, и этот факт бесспорен. Оно, как и прежде, продолжает служить незаменимой историко-лингвистической базой для многочисленных исследований. Однако сегодняшнее его состояние едва ли позволяет в полной мере осознать это значение. Оценить его с научной точки зрения могла бы только полная реконструкция состава собрания, что сегодня не представляется возможным.⁴⁵ Распыленность коллекций по многочисленным хранилищам препятствует целостному подходу к нему. Начатая еще самим Лихачевым работа по описанию и каталогизации коллекций не была доведена до конца, и сегодня едва ли возможно определить степень потерь. В силу этого чрезвычайно важным представляется тафисировать по крайней мере сегодняшнее состояние собрания, что может быть сделано в виде или каталог, или

⁴² *Mont H. Dictionnaire d'abbreviations latines, publié a Venise en 1534 // Bibliothèque de l'École des Chartes. T. 63. Paris. 1902* В библиотеке СИБ ФНПН сохранился отдельный оттиск этой публикации с дарственной надписью Николая Петровича его жене Наталье Геннадьевне (инфр Л-476).

⁴³ СИБ. ФА РАН. ф. 246, оп. 2, ед. хр. 7, л. 29.

⁴⁴ Письма обнаружены сотрудниками библиотеки СИБ ФНПН Е. З. Пашченко в принадлежавшем самому Николаю Петровичу экземпляре его же работы «По поводу издания „Liste des pièces imprimées pour la plupart a Venise en 1797 pendant l'occupation française“». Переподписем публикуется в приложении к ст. *Пашченко Е. З. Выявление книжного собрания Н. П. Лихачева в библиотеке Института истории // Книжные собрания Петербурга* (в печати).

⁴⁵ Ориентированная усилиями нескольких научных учреждений Санкт-Петербурга в 1991 г. в Русском музее выставка «Из коллекции академика Н. П. Лихачева» стала важным этапом в осмыслении широкой научной и культурной общественностью значения этого собрания и неизбежно поставила задачу реконструкции, поскольку она представляется возможной, его состава (см. Из коллекции академика Н. П. Лихачева: Каталог выставки).

описания, или хотя бы упорядоченной картотеки.⁴⁶ Все работы обобщающего характера, и прежде всего библиотечковедческого содержания, посвященные изучению лихачевского собрания, будут неполными или чересчур абстрактными, если они не будут предварены кропотливой и тщательной работой первоочередной важности по описанию и каталогизированию коллекции в том русле, которое указывал сам Н. П. Лихачев.⁴⁷ Только такие описания позволят в полной мере оценить их подлинное научное значение. Создание этих описаний, несомненно, потребовало бы кропотливого труда многих специалистов и заняло бы не один год, однако оно представляется сегодня насущнейшей необходимостью. Именно такая работа была бы достойной данью уважения и благодарности великому ученому и коллекционеру.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемый нами документ (СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 47, л. 5—7) никак не оглашавлен, но, судя по хранящемуся рядом с ним в деле Возвращению Государственного книжного фонда и двум прилагаемым анкетам, рассылавшимся владельцем всех частных библиотек с целью получения исчерывающей информации о них (опубликованы летом 1918 г.), представляет собой черновик отчета или объяснительной записки Н. П. Лихачева о состоянии его коллекции в 1918—1919 гг. Из текста документа следует, что он был составлен в конце лета или, скорее всего, осенью 1919 г.

«(л. 5) Музей книжности и библиотека, составленные Н. П. Лихачевым, пользовались в ученом мире значительной известностью. На основании материалов, собиравшихся им в течение сорока лет, бывший владелец напечатал десятки книг и статей по дипломатике, сфрагистике, нумизматике, археографии, археологии, истории древнерусского искусства, библиографии и библиофилии. По материалам музея и библиотеки написаны статьи и заметки академиками, профессорами и учеными Тураевым, Церетели, Крачковским, Зенгером, Холодильником, Пападопуло-Керамевсом, Никольским, Шилейко, Сеймуром де Риччи (эпиграфические) памятники древнего Египта) и т. д. Единственный экземпляр руководства для чтения аббревиатур (издание начала XVI столетия) воспроизведен фототипографией известным палеографом Н. Omont и «Bibliothèque de l'École des Chartes».

⁴⁶ Существующие сегодня в библиотеке СПб. ФНПН картотеки не отражают полностью состав всех лихачевских коллекций. Некоторые из них (например, печатные документы по государственному управлению Италии) вообще не раскрыты.

⁴⁷ В настоящее время в библиотеке СПб. ФНПН ведется и близится к завершению работа по описанию коллекции европейских изданий XVI в., которая представлена в библиотеке преимущественно подшивками, принадлежавшими Н. П. Лихачеву. Не подвергая сомнению безусловную важность этой работы, отметим все же несколько абстрактный характер предложенной хронологии, идущей вперед с принципами Н. П. Лихачева, рассматривавшего каждый экземпляр как ценно в неразрывной цепи эволюции памятников письменности.

Обширный музей для истории писем особенно разнообразен в области средневековой дипломатики и оснащен соответствующими специальными отделами библиотеки начиная с иероглифов и клинописи.

Разнообразные секции библиотеки охватывают едва ли не все отрасли исторического источниковедения, некоторые отрасли археологии, истории искусства, библиографию западноевропейскую и русскую и т. д. Состав библиотеки, таким образом, касался целого ряда кафедр Археологического института и являлся незаменимым пополнением основной институтской библиотеки.

Помещение библиотеки зимой 1917—1918 года простояло без отопления и подверглось наводнению (от замерзания водопровода).

В здание Института музей и библиотека были переданы мной в конце [апреля] месяца 1918 года. Народный комиссар А. В. Лунначарский назначил ответственного комиссара, помощник комиссара поселился в здании. Охрана была обеспечена, но вопрос о платах затянулся до 1919 года. Штаты вошли в силу с первых месяцев 1919 года. Работы начались зимой, хотя библиотечарина была выбрана Советом Института только в марте, а хранитель Музея с мая. Несмотря на то, что книги приходилось носить из помещения библиотеки в другой этаж в теплую комнату, библиотечарина // (з. 6) и хранитель деятельно принялись за разбор и описание. Подобно большинству частных библиотек, собрания Н. П. Лихачева не имели ни инвентаря, ни каталогов (полное отсутствие не только систематического, но и карточного каталогов). Книжки и рукописи располагались владельцем по отделам. На каждую полку ставились книги, брошюры и вырезки по содержанию. По мере постройки шкапов или их надстройки (есть шкапы в три яруса, совершенно различной нумерации) отделы перемещались, если не хватало места, делались по разным комнатам случайно, о чем помнил лишь владелец. Некоторые шкапы были до невозможности пользоваться ими.

Прежде всего было приступлено к инвентаризации шкапов и ключей, с составлением таблицы — какие номера к какому отделу относятся и в какой комнате помещаются. Затем приступили к каталогизации периодических изданий на иностранных языках.

Если большинство журналов и серий не отличаются полнотой, свойственной большим казенным библиотекам, и имеют много пробелов, то зато количество периодических изданий, их специальный подбор, редкость и малоизвестность многих из них — придают большую научную ценность собранию.

Сотни журналов и изданий выпусками (поки каталогизованы 305 NN) зафиксированы по месту нахождения, но без отмены в каталоге, так как предвидится перемещение их в другой этаж ввиду переполнения шкапов внизу.

После журналов начата была разборкой комната, в шкапах которой помещались история дипломатики, палеография, сфрагистика, история пап (их канцелярии, архива и библиотеки), актовые сборники западноевропейских государств, история и археология Востока. Пришлось вынимать книги, брошюры и вырезки из шкапов, сортировать их, описывать и вновь расставлять в порядке, возможном для пользования.

В течение лета, несмотря на крайний недостаток канцелярских принадлежностей, описано около трех тысяч // (л. 7) номеров, что является лишь приблизительно половиной этого отдела (описывались и вырезки ввиду их специального интереса. Отмечаем, потому что в Государственной библиотеке, например, описываются и записываются в каталог только отдельные оттиски как являющиеся отдельными изданиями).

Работа была прервана в августе месяце вследствие осмотра другой комнаты, предназначенной к разбору. По вскрытии шкапов оказалось, что книги в помещении, подвергнувшись наводнению, жестоко пострадали от сырости и морозов. Некоторая часть, совсем затвела, слитлась, предавалась гниению. Оставлена была всякая другая работа, и библиотекарь вместе с хранителем стали разбирать книги по комнатам, не подвергавшимся наводнению, и расставлять по столам, стульям, окнам, выступам шкапов и т. д.

По мере высыхания пострадавшие экземпляры вытираются. Книги уцелевшие или пострадавшие меньше отделяются и ставятся особо. Замечательно, что кожа в переплетах и бумага неодинаково реагировали на сырость. Некоторые книги как будто бы совсем не, или очень мало, пострадали, а рядом — кожа промокла и бумага покрылась сырой и коричневой плесенью. К сожалению, нет надежды на то, чтобы помещение отапливалось и в зиму 1919—1920 года.

Весной и летом 1919 года хранитель музея в помещении библиотеки сделал несколько сообщений (лекций). Музей и библиотека осматривались учащимися, причем объяснения давались как по истории писем и дипломатике, так и по библиографии.